

Позже Линь Юэюэ создала для этого дня отдельную папку в личном цифровом архиве и озаглавила её «День максимальной концентрации моментов для шипперов». На первой строчке она написала: Если кто-нибудь в будущем спросит меня, стоила ли вся эта затея с обменом душами свеч, я просто швырну ему в лицо запись с камеры видеонаблюдения за этот день — если бы только она существовала. Закончив писать, она подумала немного и добавила ещё одно предложение: Но будет лучше, если запись с камеры не существует, потому что некоторые кадры я бы не хотела показывать никому, включая самого Су Синьхао.

Она запаролила папку. Паролем стала дата рождения Чжу Чжисиня наоборот. Покончив с этим, она молча уставилась на экран на три секунды, а затем поменяла пароль на прямую дату рождения Су Синьхао. Помолчав ещё три секунды, она вообще удалила всю папку, создала новую, а в качестве пароля установила их дни рождения, чередующиеся по порядку. Готово, — мысленно произнесла она. — Теперь никто не догадается.

Всё это произошло на шестой день непрерывных съемок.

Съемки клипа официально завершились, и последний кадр отсняли ровно в полдень. Когда режиссер скомандовал стоп, по всей съемочной группе прокатилась волна шумного ликования, смешанного с аплодисментами и радостными криками. Напряженная работа нон-стоп в течение шести дней наконец подошла к концу: сотрудники принялись разбирать оборудование, а участники группы стали отбивать друг другу пять, празднуя финал. Линь Юэюэ стояла рядом с монитором, глядя на застывший на экране финальный кадр: тело Су Синьхао в самом центре запечатлено в завершающей позе, угол вытянутых рук выверен с абсолютной точностью, а кончики пальцев замерли в воздухе — тютельница в тютельница как то эталонное положение, которое она тренировала бесчисленное количество раз.

Она долго вглядывалась в этот кадр. Это тело Су Синьхао, это сцена Су Синьхао, это имя Су Синьхао. Но все последние шесть дней именно она в этой оболочке выполняла каждое движение, каждую перебежку, каждую мимическую реакцию перед объективом камеры. Она не знала, к какой категории отнести это чувство выполненного долга: радоваться за Су Синьхао? Или радоваться за саму себя?

Кто-то протянул руку сбоку и хлопнул её по плечу. Нажим был легким, но ладонь легла ровно на те самые лопатки, которые она тайком массировала в тот день после проливного дождя.

С окончанием съемок, — раздался справа голос Чжу Чжисиня. Она повернула голову и увидела, что он уже смыл грим, но на лице у виска остался крошечный мазок тонального крема — бледный след от вытирания пота, чуть выше скулы, похожий на нерастушеванный хайлайтер. Ей инстинктивно захотелось протянуть руку и стереть его, но на середине движения она вдруг сообразила, что этот жест абсолютно не в стиле Су Синьхао, и поэтому резко перевела движение в дружеское похлопывание по плечу.

С окончанием съемок, — ответила она.

Чжу Чжисинь бросил взгляд на её зависшее в воздухе и экстренно сменившее траекторию

движение, и уголки его губ чуть приподнялись. Он не стал ее подкалывать, а просто достал из кармана пачку жевательного мармелада, разорвал упаковку и высыпал на ладонь пару штук. Будешь? — он протянул ей руку. Зеленые мармеладки покоились на его ладони, покрытые тончайшим слоем сахарной пудры, и в свете софитов съёмочной площадки походили на две крошечные планеты.

Линь Юэюэ посмотрела на эти конфеты, и в памяти внезапно всплыла фраза, прочитанная где-то в детстве: Ладонью вверх — это отдавать, ладонью вниз — это просить, а ладонь, обращенная к тебе — это доверие. Она не была уверена, вычитала ли она эту фразу в каком-то женском романе или сама сочинила, когда писала фанфики про Чжу Синьхао, но прямо сейчас ладонь Чжу Чжисиня была повернута к ней — четкие линии, слегка согнутые пальцы, а мармеладки тихонько лежали на линии его жизни.

Она протянула руку, чтобы взять угощение. В тот момент, когда ее кончики пальцев коснулись мармелада, она задела кожу на его ладони. Сухую, теплую, гораздо более мягкую, чем она себе представляла. Рука Чжу Чжисиня не дрогнула, её собственная — тоже, но её сердце в эту секунду отбило сложный трехтактный ритм. Она ущипнула одну мармеладку и отправила её в рот. Со вкусом яблока, кисло-сладкую; глазурь растаяла на кончике языка, словно крошечный фейерверк.

Вкусно? — спросил Чжу Чжисинь.

Нормально, — ответила Линь Юэюэ стандартной формулировкой Су Синьхао. Едва она договорила, как в голове завопил внутренний голос: Когда ты брала конфету, твои пальцы замерли на его ладони на доли секунды! Это же рефлекс истинной фанатки пейринга! Тебе нельзя вытворять такое руками Су Синьхао!

Она мысленно отвесила себе знатную затрещину, после чего стремительно переключила внимание, сделав вид, что поправляет воротник.

Однако Чжу Чжисинь, казалось, ничего не заметил. Он закинул оставшуюся мармеладку себе в рот, скомкал пустой пакетик и бросил в мусорку, а затем поднялся и направился в сторону гримерки. Сделав пару шагов, он обернулся и бросил на нее взгляд. В гримерке есть кондиционер, а на улице жарко. Заходи.

Линь Юэюэ последовала за ним в гримерку. Остальные участники еще не вернулись: режиссер утащил Чжан Цзи переснимать крупный план для сольной сцены, а Чжан Цзэюй и Цзю Хан фотографировались с персоналом. В гримерке они были вдвоем.

Линь Юэюэ уселась на диван и принялась листать ленту в телефоне. Сегодня с основного аккаунта Су Синьхао нужно было выложить пост, приуроченный к окончанию съемок; она набросала в заметках несколько вариантов, но ни один её не устроил. Текст должен был одновременно отражать стиль Су Синьхао — лаконичный, без лишней сентиментальности, с нисходящей интонацией в конце — и соответствовать графику продвижения от компании. Пока она хмурилась над пятым черновиком, до ее слуха донесся звук распаковки новой пачки снеков

со стороны Чжу Чжисиня.

Будешь это? — спросил он, протягивая шоколадный батончик.

Нет.

А это? — он сменил его на пачку чипсов.

Не нужно.

Тогда что ты пьешь? Воду или спортивный напиток?

Просто воду, — рассеянно ответила Линь Юэюэ, не отрывая глаз от экрана телефона.

И тут что-то коснулось ее нижней губы. Тело среагировало быстрее мозга: к губам поднесли угощение. Приоткрыть рот, прикусить, начать пережевывать. Кисловато-сладкое, тот самый яблочный мармелад. И только после этого мозг наконец догнал действия тела, осознав, что произошло: Чжу Чжисинь протянул конфету прямо к её рту. Не вложил в руку, чтобы она взяла сама, а поднес прямо к губам. В тот момент, когда она прикусила мармелад, её губы коснулись чего-то. Это был не мармелад, а что-то мягкое, теплое, с едва заметными бороздками — его кончики пальцев.

Её мозг завис.

Не просто завис, а капитально, полностью, задымившись всеми компонентами от процессора до оперативной памяти и видеокарты. Во рту застряла та самая мармеладка, она забыла жевать, забыла сглотнуть, забыла дышать, продолжая застыть в позе захвата угощения, а губы всё ещё прижимались к кончикам пальцев Чжу Чжисиня. Чжу Чжисинь, кажется, тоже на мгновение опешил. Он не стал сразу убирать руку. Свет в его персиковых глазах слегка замер, будто его тоже застигло врасплох это случайное прикосновение.

В примерке воцарилась тишина секунд на пол-оро. Но Линь Юэюэ показалось, что эти пол-оро длятся дольше, чем весь съемочный период клипа. Затем Чжу Чжисинь убрал руку. Движение было естественным, скорость — обычной, без единого признака паники или неловкости. И всё же Линь Юэюэ заметила — сейчас она стала донельзя чувствительна к малейшим изменениям в мимике Чжу Чжисиня, — что когда он отводил руку, его пальцы чуть-чуть подогнулись, словно от ожога.

Он встал и повернулся к столу за бутылкой воды. Стоя к ней спиной, он поднял руку и тронул себя за ухо. От мочки левого уха до завитка раковины, движение было быстрым, будто он просто отмахивался от зуда, но Линь Юэюэ знала, что это не так. Это была привычка Чжу Чжисиня, когда он нервничал. Су Синьхао упоминал об этом в обучающем руководстве.

Она опустила взгляд в телефон, не в силах разобрать ни единой буквы. Мармеладка во рту так и лежала, она машинально жуванула её пару раз и проглотила, не ощутив никакого вкуса. Сердце колотилось так быстро, что она испугалась, как бы тело Су Синьхао не выдало какую-нибудь тревогу по здоровью. Пальцами Су Синьхао она набирала текст на экране телефона Су Синьхао: набирала и стирала, стирала и набирала, пока в итоге не отправила всего одну строчку.

[Су Синьхао: Я коснулся его рта. Не рта, это он своими губами коснулся моих пальцев. Тоже нет, он накормил меня конфеткой, и я случайно задел его, когда кусал.]

[Линь Юэюэ: Что ты вообще хочешь сказать?]

[Су Синьхао: Я не знаю.]

Су Синьхао сидел за письменным столом в квартире Линь Юэюэ, долго вглядываясь в эту строчку на экране. Его заданием на сегодня было повторить банк вопросов для шоу на следующей неделе — Линь Юэюэ составила для него тридцатистраничный документ с материалами, к которым ему требовалось подготовиться заблаговременно, и к полудню он должен был осилить хотя бы десяток страниц. Но сейчас было два часа дня, а он осилил всего три. Причина была предельно проста: каждые полчаса Линь Юэюэ присылала сообщение, от которого его мозг грозил взорваться. Тайком разглядывать ресницы Чжу Чжисиня, носить рубашку Чжу Чжисиня, касаться пальцев Чжу Чжисиня под дождем, а теперь вот — коснуться губами пальцев Чжу Чжисиня. Его собственное тело без его ведома, без его согласия и в его отсутствие вытворяло вещи, которых он за последние семь лет никогда в жизни не делал.

Он отложил телефон, подошел к шкафу, распахнул дверцу и уставился в зеркало на лицо Линь Юэюэ. Круглое лицо, немного растрепанный пучок, на лбу всё еще красуется пластырь — след от недавнего обморока из-за падения сахара в крови. Он уже больше недели обитал в этом теле и начал понемногу привыкать каждое утро просыпаться и видеть эти брови и глаза. Но сейчас выражение этого лица показалось ему до жути чужим: брови слегка сведены к переносице, губы крепко сжаты, в глазах — замешательство, раздражение и капелька тех эмоций, давать название которым ему совсем не хотелось. С каких пор он вообще начал обращать внимание на всё это? Беспокоит ли его то, что его тело используется Линь Юэюэ для недоступных ему поступков, или же дело во взаимодействии Линь Юэюэ и Чжу Чжисиня, разворачивающемся в его теле — в тех мгновениях, свидетелем которых он становился, но не мог их контролировать? Или же в тех выражениях лица, которые Чжу Чжисинь являл миру, обращаясь к Су Синьхао под зонтом в тот дождливый день или перед лицом мармелада в примерке — выражениях, которых он никогда в жизни не видел воочию?

Он захлопнул дверцу шкафа, вернулся за стол и снова взял телефон. Отвечать на последнее сообщение Линь Юэюэ он не стал, вместо этого открыл заметки и в разделе, посвященном Чжу Чжисиню, добавил новую строку: Он знает, что я — это Линь Юэюэ, и относится ко мне как к девушке? Его реакция на Линь Юэюэ — это реакция на неё или на меня? Курсор долго мигал в самом конце предложения, но он больше ничего не напечатал.

Днем репетиции возобновились. Вечерним графиком значился прогон варьете, проходивший

на другой площадке, не в тренировочном зале, а начало было назначено на семь часов вечера. Между делом образовалось несколько свободных часов, и все разошлись отдыхать. Линь Юэюэ решила остаться в зале и продолжить репетировать танец: на шоу на следующей неделе планировался этап случайной хореографии, база треков была огромной, и ей требовалось заранее прогнать все возможные композиции, которые могли ей выпасть. Она стояла перед зеркалом, разучивая старый кавер-трек Су Синьхао — движения были проще новых, но стиль разительно отличался, требуя большей расслабленности тела и совершенно иной мимической подачи. Прогнав танец несколько раз и поняв, что всё равно получается не то, она остановилась и хмуро уставилась на отражение Су Синьхао в зеркале.

Дверь репетиционного зала отворилась. Вошел Чжу Чжисинь с бутылкой воды и телефоном в руках; экран телефона светился, словно он был занят просмотром чего-то. Всё еще репетируешь? — бросил он.

Угу. База для случайных танцев еще не вся пройдена.

Чжу Чжисинь не стал развивать тему. Он подошел к углу зала, где стояли колонки, подключил свой телефон и включил трек. И вовсе не из конкурсной базы. С первыми же звуками вступления движения Линь Юэюэ замерли: эту мелодию она раньше не слышала. Убаюкивающая фортепианная подложка, легкий, словно капли дождя по глади озера, бит. Первые же слова куплета, сорвавшиеся с губ вокалиста, заставили воздух в репетиционной словно смягчиться.

Что за песня? — спросила она.

Моя демо-запись сольного трека, — Чжу Чжисинь прислонился спиной к стене, засунув руки в карманы. — Еще не выпускал. Ты первая, кто услышал её, не считая продюсера.

Линь Юэюэ остолбенела. Су Синьхао был товарищем Чжу Чжисиня по группе, и по идее такой демо-трек Су Синьхао должен был услышать в студии звукозаписи давным-давно. Но Чжу Чжисинь назвал её первой, кто услышал трек, а это значило лишь одно: он в курсе, он знает, что перед ним не Су Синьхао, что она — это Линь Юэюэ, и тем не менее он сознательно ставит эту песню именно ей. Не для Су Синьхао, а для Линь Юэюэ.

Почему ты поставил её мне? — спросила она.

Чжу Чжисинь не ответил прямо. Он вытащил из кармана наушники, подошел к ней и протянул один вкладыш. Белый беспроводной наушник, крошечная капелька, лежал у него на ладони. Точно так же, как утренняя мармеладка: ладонью вверх, четкий узор линий.

Внешние колонки передают звук не так чисто, — сказал он. — Воспользуйся наушником.

Линь Юэюэ взяла наушник и вставила в правое ухо. Чжу Чжисинь засунул второй в свое левое. Они стояли плечом к плечу у зеркальной стены, а провод наушника... стойте, провода не было,

— но расстояние между их плечами не достигало и десяти сантиметров. Музыка зазвучала вновь. Фортепиано лилось из правого уха, а ударные ровно, подобно сердцебиению, отдавались в барабанных перепонках. Когда вокалист затянул припев, закатное солнце как раз косыми лучами хлынуло в панорамные окна репетиционной, окрашивая всю зеркальную стену в золотисто-оранжевые тона. В отражении зеркала Линь Юэюэ увидела силуэты двоих: тело Су Синьхао прислонилось к зеркалу, рядом стоял Чжу Чжисинь, плечом к плечу, у каждого по одному наушнику. Солнечный свет покрыл их легким золотистым сиянием, словно это была финальная сцена молодежного фильма.

Она вдруг вспомнила, как сохранила в телефоне фанарт с пейрингом: на рисунке Чжу и Су делят на двоих наушники в репетиционном зале, закатное солнце льется в окно, окрашивая их лица в теплые тона. Эту картинку она репостила в супер-топике с подписью: Доживу ли я когда-нибудь до того, чтобы увидеть это вживую?. Теперь же она не просто видела это — она находилась внутри этой картинке. Причем не как сторонний наблюдатель, а как непосредственная её часть.

Песня в наушниках подходила к концу, фортепиано затихало, растворяясь в легком финальном аккорде. Чжу Чжисинь не стал спешить с переключением трека или вынимать наушники. Он просто молча прислонился к зеркалу, разделяя с ней последние секунды тишины.

Как называется эта песня? — спросила Линь Юэюэ.

Еще не придумал, — голос Чжу Чжисиня раздался слева, не отфильтрованный динамиком наушника, а настоящий, прямой, согреваемый дыханием.

Красивая.

Просто красивая?

Очень красивая. Не могу объяснить словами, но из тех, что хочется гонять по кругу.

Чжу Чжисинь повернул голову к ней. Закатное солнце угодило прямо ему в глаза, окрасив зрачки в светло-карий оттенок, в глубине которого мерцали золотистые искорки. Линь Юэюэ уже доводилось встречать этот взгляд в официальных материалах — такой взгляд изредка появлялся у него при взгляде на Су Синьхао, мягкий, расслабленный, лишенный всякой защиты. Она бесчисленное количество раз делала скриншоты этого взгляда, разбирая его на детали и сочиняя пространные тексты на тысячу слов. Но сейчас этот взгляд был направлен на неё — не через стекло экрана, а через расстояние менее чем в десять сантиметров воздуха. Она вдруг засомневалась: смотрит ли он на Линь Юэюэ сквозь маску Су Синьхао, или же этот взгляд изначально принадлежал исключительно Су Синьхао, а проявился лишь потому, что Линь Юэюэ сейчас занимала его тело?

В базе хореографий есть похожий стиль для этого трека? — неожиданно поинтересовался Чжу Чжисинь.

Вряд ли, это же не...

Тогда я могу научить тебя, — произнес он. — Научить хореографии под этот трек. Я сам поставил версию, но еще ни разу не исполнял на сцене.

Линь Юэюэ повернулась к нему. Выражение его лица было невероятно серьезным — не тем сосредоточенным видом, с которым выполняют учебную задачу, а искренним желанием поделиться чем-то сокровенным, тем, что никому прежде не показывалось.

Ты никогда не танцевал этот танец? — переспросила она.

Нет. Изначально это задумывалось как моя сольная песня, и хореографию я ставил для себя, не планируя никому показывать. — Он замолчал, отвел взгляд от ее лица и уставился на зеркало перед ними. — Но ты ведь не кто-то посторонний.

Сердце Линь Юэюэ в этот момент совершило самый сложный гимнастический трюк. Разбег, прыжок, сальто в три с половиной оборота, а затем со всего маху рухнуло в грудную клетку без всякой страховки. Она сжала в пальцах злощастный наушник, а ладони покрылись испариной. Он сказал ты не посторонний — он знал, кто она. Он знал, что она не Су Синьхао, и тем не менее предпочел спеть для нее эту никогда никому не звучавшую песню и разучить с ней танец, который никто прежде не видел. Не ради соблюдения контракта, не по мольбе Су Синьхао, а по собственному желанию.

Ну давай же, — Чжу Чжисинь поднялся, отряхнул несуществующую пыль с брюк, прошел в центр зала и встал спиной к зеркалу. — Я покажу. Движения простые, всего на полторы минуты. На припеве будет разворот, ты точно справишься.

Линь Юэюэ встала и подошла рядом. Чжу Чжисинь начал разбирать движения по полочкам, и его метод преподавания разительно отличался от манеры Су Синьхао: Су Синьхао разбивал каждое движение на десятки точек, с хирургической точностью описывая углы наклона суставов и векторы приложения сил, в то время как подход Чжу Чжисиня сводился к показателю в стиле я показываю — ты повторяешь, а когда она сбивалась с шага, он просто протягивал руку и корректировал её угол. Его пальцы коснулись ее лопатки, слегка подтолкнув: Вот здесь — отведи назад на полградуса. Сквозь тонкую ткань футболки тепло его пальцев отчетливо передавалось коже — не обжигающее, но долгое.

Сделав три прогона, она связала всю связку целиком. Движения действительно не отличались сложностью, однако та расслабленная, непринужденная манера была совсем не похожа на обычный репертуар Су Синьхао. Ей казалось, что кое-где она не дотягивает, но Чжу Чжисинь ничего не говорил — лишь в те моменты, когда угол разворота получался не совсем точным, он собственным телом преграждал ей путь к дальнейшему смещению, позволяя выровняться естественным образом.

В последний раз, — скомандовал он. — Прогоняем целиком. Музыка с самого начала.

Наушники уже были сняты, и музыка полилась из динамиков. Зазвучало фортепианное вступление, он встал рядом с ней, и они одновременно повернулись к зеркалу лицом. В отражении тела Су Синьхао и Чжу Чжисиня стояли бок о бок, с одинаковым начальным жестом, с тем же самым подготовительным тактом. Затем музыка перешла в куплет, и они начали синхронно двигаться. Не она следовала за его танцем, они танцевали вместе. Различные хореографические элементы, но ритм совпал на сто процентов. Она исполнила то движение, которому он её только что научил, а он подстроился под нее собственной гармонической линией. Обе части хореографии сплелись в припеве в единое целое: её разворот пришелся точь-в-точь на его протянутую руку, её волна корпусом завершилась как раз в просвете его полуоборота, а в финальной позе они замерли одновременно, зеркально симметричные, с противоположными направлениями кончиков пальцев, создавая иллюзию прямого и обратного отражения одного и того же движения.

Тяжело дыша, она вглядывалась в картинку в зеркале. Это были не те движения, что она учила раньше — он импровизированно подстраивал их под неё на ходу.

Твоя гармоническая партия была импровизацией? — спросила она.

Угу.

Почему?

Чжу Чжисинь усмехнулся, опустил глаза. Эта улыбка предназначалась не зеркалу, а полу. Затем он поднял голову и встретился с ней взглядом в зеркальном отражении.

Потому что ты танцевала слишком старательно, — произнес он. — Не мог же я позволить тебе одной красоваться в кадре. Было бы несогласованно.

Линь Юэюэ опустила голову, вытирая пот рукавом Су Синьхао. И заодно прикрывая уголки рта, которые отказывались принимать сдержанное положение. За окнами закат уже окончательно скрылся за горизонтом, и свет в репетиционной из золотистого превратился в холодновато-белый. Музыка смолкла давным-давно, но никто из них не двигался с места. Он прислонился к зеркалу, попивая воду, и его кадык мерно ходил вверх-вниз при каждом глотке. Она изображала бурную деятельность в телефоне — на экране красовалось последнее сегодняшнее сообщение от Су Синьхао, на которое она так и не ответила.

[Линь Юэюэ: Можешь больше не докладывать мне каждый раз, когда касаешься его рук.]

Она напечатала под этой строчкой слово хорошо, поколебалась, стерла и набрала заново: Сегодня вечером Чжу Чжисинь включил мне песню, которую никогда никому не включал. И научил танцу, который никому не показывал. Сказал, что я не посторонний. Она то набирала, то стирала текст битый час, пока в конце концов не отправила всего три символа.

[Су Синьхао: Понял.]

Заблокировав экран, она сунула телефон в карман. Чжу Чжисинь тем временем собирал вещи, застегивая молнию на сумке и перекинув куртку через плечо. На выходе он бросил на нее прощальный взгляд.

Завтра на репетиции не опаздывай, — напомнил он. — Опоздавший угощает всю группу молочным чаем.

Помню.

И еще...

Он на мгновение замолк; в свете коридорных ламп четко проступили резкие линии его подбородка. Его голос донесся от двери с едва заметной ноткой улыбки.

Сегодня в танце ты не путала ноги. Пространство для роста — не такое уж и большое.

<http://bllate.org/book/20903/2113182>